

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-132-147

EDN: FBDYNE

УДК 811.134.3'37

Научная статья / Research article

Муравей и цикада в португальской лирике: динамика ассоциативной семантики

М.В. Кутьева¹ , В.А. Махортова²

¹Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

 kuteva.mv@rea.ru

Аннотация. Отталкиваясь от традиционных значений хрестоматийных образов муравья и цикады, в данной статье мы рассматриваем трансформации их ассоциативной (вторичной) семантики в пространстве поэтического текста. Выдвигается гипотеза о значительной динамической вариативности ассоциативной семантики и метафорики этих энтомонимов. Благодаря творчеству Эзопа и Лафонтена анализируемые образы несут ощутимый басенный отпечаток в своем семантическом реестре. Хотя в португальской лингвокультуре муравей воспринимается преимущественно положительно и трактуется как неустанный труженик, рачительный хозяин и даже провидец, коннотативная привлекательность этого образа несколько омрачилась поэтическими ассоциациями с излишним практицизмом, жадностью, черствостью и будничной серостью, инкриминируемыми муравью со второй половины двадцатого века. Не остался неизменным в прагматико-семантическом отношении и образ цикады, чья роль безответственной лентяйки из басни трансформировалась в аллегорию жрицы музыки, творческой личности, ставящей самовыражение превыше всего. Однако и муравей, и цикада в ряде поэтических контекстов дистанцируются от иносказательной дуальной траектории, предначертанной Эзопом. В частности, муравей изображается как часть огромного, но суетливого коллектива (муравейника), а цикада ассоциируется в португальской лирике как с вдохновенной жадой творчества, так и с противоположной ей страстью — агрессивностью. Для выявления подобных семантических черт использовались описательно-аналитические методы сопоставительного, компонентного, интерпретативного и концептуально-инференционного анализа. Исследование можно было бы развить по вектору фиксации и сопоставления авторских переносных значений, выбрав группу наиболее «активных» в поэзии энтомонимов на материале неблизкородственных языков.

© Кутьева М.В., Махортова В.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: семантическая трансформация, поэзия, образ, этноним

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.07.2024; дата приема в печать: 15.11.2024.

Для цитирования: Кутьева М.В., Махортова В.А. Муравей и цикада в португальской лирике: динамика ассоциативной семантики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 132–147. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-132-147>

Ant and Cicada in Portuguese Lyrics: Dynamic of Associative Semantics

Marina V. Kutyeva¹ , Varvara A. Makhortova²

¹Plekhanov Russian University of Economics, *Moscow, Russian Federation*

²Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*

 kuteva.mv@rea.ru

Abstract. Starting from the traditional classical literature meanings of an ant and a cicada, this paper aims to explore the transformations of their associative (secondary) semantics in the space of a poetic text. We put forward a hypothesis about the significant dynamic variability of these entomonyms' metaphoric imagery. Thanks to the works of Aesop and Jean de La Fontaine, the analyzed images bear a significant fable imprint in their semantic register. Although in Portuguese linguoculture the ant is perceived mostly positively and is interpreted as a tireless worker, a diligent host and even a visionary, its attractiveness has been somewhat overshadowed by poetic associations with excessive practicality, greed, callousness and everyday dullness. The image of cicada also did not remain unchanged in connotative-semantic terms. Its role as an irresponsible lazy woman from the fable was transformed into an allegory of a creative personality who puts self-expression above all. However, both the ant and the cicada in a number of poetic contexts distance themselves from the allegorical dual trajectory outlined by Aesop: the ant is depicted as part of a huge but fussy collective (anthill), and the cicada is associated in Portuguese lyrics with both an inspired thirst for creativity and the opposite passion — aggressiveness. Descriptive and analytical methods of comparative, component, interpretative and conceptual-inference analysis were used to identify such semantic features. The study could be developed by fixation and comparison of the author's figurative meanings, choosing a group of the most "active" entomonyms in poetry of unrelated languages.

Keywords: semantic transformation, poetry, image, ethnonym

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Kutyeva, M.V., & Makhortova, V.A. (2025). Ant and Cicada in Portuguese Lyrics: Dynamic of Associative Semantics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 132–147. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-132-147>

Введение

В разных культурах диада «муравей и цикада» (в зависимости от языка это может быть жук, кузнечик, стрекоза [1. С. 80–81; 2. С. 53]) прожила долгую аксиологическую жизнь и воспринимается неодинаково. Несхожесть трактовок диктуется различием языковых картин мира, вербального мышления и национальных лингвокультурных кодов, переменчивостью ценностных установок во времени.

В данной статье мы рассматриваем семантику образов муравья и цикады как в связи с хрестоматийной басней, так и независимо от наследия Эзопа и Лафонтена. Однако оба значения: 1) обыденное и 2) развившееся в лоне литературно-художественного творчества — взаимодействуют и в этом взаимодействии эволюционируют [3]. Изменчивости когнитивного содержания этих образов посвящены некоторые лингвокультурологические и литературоведческие исследования [1; 2; 4–7].

Цель исследования состоит в выявлении метафорических переосмыслений традиционных ролей муравья и цикады в произведениях лучших португальских поэтов. В работе использовался контрастивный метод; проводился сравнительный анализ семантики энтомонимов *formiga* ‘муравей’ и *cigarra* ‘цикада’, закреплённой в толковых португальских словарях, и контекстуальной (окказиональной) метафорики, возникающей в ткани художественного текста. Применялся также компонентный, интерпретативный и концептуально-инференционный анализ [8]. Выявлены их оригинальные семантико-коннотативные метаморфозы и сдвиги, а также новые контекстуальные, индивидуально-авторские значения.

Ассоциативная семантика энтомонимов *formiga*/муравей и *cigarra*/цикада в португальской поэзии

Трудолюбивый Муравей

На протяжении нескольких веков живет в мировой литературе муравей. Его символика связана прежде всего с такими достоинствами человека, как трудолюбие и предусмотрительность¹. Именно их подчеркивает выдающийся португальский поэт Луиш Ваз де Камознс (1524/1525–1580), отмечая, что муравей готовится к тяжелым временам, помня о скором их наступлении. В знаменитой поэме «Лузиады» муравью-провидцу уподобляются нимфы, которые, предвидя опасность, не раз спасали отважных и мужественных португальцев-мореплавателей.

¹ Тресиддер Д. Словарь символов. М. : Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. С. 231.

Canto II, estrofe 23

Quais para a cova as próvidas formigas,
Levando o peso grande acomodado,
As forças exercitam, de inimigas
Do inimigo inverno congelado;
Ali são seus trabalhos e fadigas,
Ali mostram vigor nunca esperado:
Tais andavam as Ninfas estorvando
A gente Portuguesa o fim nefando²

Песнь II, строфа 23

Как летом муравьи спешат в волненье
Себе приют от зимних стуж устроить,
Тяжелый груз влачат в изнеможение,
Чтоб в черный день себя не беспокоить,
Превосходя самих себя в раденье,
Стремясь бремя тяжкое удвоить,
Так нимфы все усилья приложили
И лузитан от смерти оградили.
(Перевод О. Овчаренко)³

Поэтическое слово-образ обладает особой семантической текстурой, которая градуально усложняется и трансформируется «под воздействием многочисленных контекстов в пространстве языка и культуры, художественных кодов, смысловой и эмоциональной многослойности литературных мотивов» [9. С. 10].

Спустя три столетия те же качества муравья, что упомянул Луиш Камознс, акцентирует тяготевший к реализму Сезариу Верде (1855–1886). По сюжету поэмы «De verão» / «Летом» лирический герой и его юная кузина, гуляя, замечают вереницу муравьев. Молодой человек видит в них вредителей, которых следует уничтожить: «*As ladras da colheita! Eu, se trouxesse agora / Um sublimado corrosivo (...) / Envenená-las-ia!*»⁴ ‘Воруют урожай! Для этого отряда / Достань сейчас мне едкой сулемы — (...) / Насыпал бы на их дорожки яда’ (пер. И. Фещенко-Скворцовой²).

Однако девушка защищает готовящихся к зиме усердных крох и называет их «*mineiras (...) incansáveis*» (дословно ‘неутомимые рудокопы’), что подчеркивает идею трудолюбия. Она ставит муравьев в пример нерадивому кузену: «*São mais economistas, mais notáveis / E mais trabalhadoras que o senhor!*» ‘Неутомимые, они на деле / Трудолюбивее, чем вы, сеньор!’².

Корни позитивной аксиологической интерпретации поведения и деятельности муравья как идеала для подражания восходят к библейским текстам, где содержится совет ленивым: «*Vai ter com a formiga, ó preguiçoso; olha para os seus caminhos, e sê sábio. Pois ela, não tendo chefe, nem guarda, nem dominador, Prepara no verão o seu pão; na sega ajunta o seu mantimento*»⁵ ‘Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым.

² Camões L. V. Os Lusíadas. Режим доступа: <https://oslusiadas.org/ii/23.html> (дата обращения: 07.12. 2023).

³ Камознс Л. В. Лузиады. Сонеты. М. : Худож. лит., 1988. С. 61.

⁴ Верде С. Поэзия / Poesia. Лиссабон : Эл Эдисойш, 2022. С. 210–213.

⁵ Provérbios 6: 6–8. In: Bíblia Sagrada João Ferreira de Almeida — Corrigida e Atualizada. Lisboa: Loja da Bíblia Editorial, 2019. Режим доступа: <https://www.bibliatodo.com/pt/biblia/almeida-corrigida-fiel/proverbios-6-6> (дата обращения: 20.11.2023).

Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою»⁶.

А. Бокути считает, что этот библейский эпизод делает положение муравья привилегированным во многих культурах сразу [10. С. 11]. А басенная жизнь этого энтонима на века закрепила его семантическую доминанту [3. С. 167].

Однако в гетеронимической поэзии Фернандо Пессоа (1888–1935), представляющей собой «метафорический взлет» [11. С. 90], образ муравья, ассоциативное поле которого намного шире классической доминанты, приобретает иное, переосмысленное значение. На свойственную этому насекомому хрупкость обращает внимание Рикарду Рейш — один из основных и самых загадочных гетеронимов или «масок» Ф. Пессоа [12]. Именно ему свойственна холодная отстраненность от читателя и мистические поиски альтернативы официальному католицизму [13. С. 211]. Обратимся к его строфе:

Meu gesto que destrói
A mole das formigas,
Tomá-lo-ão elas por de um ser divino;
Mas eu não sou divino para mim⁷.

Одно мое движение,
Муравьев раздавившее,
Им, малюткам, божественным кажется;
Но сам я для себя — не божество.
Перевод И. Фещенко-Скворцовой⁸

Развивая эту мысль, Рейш, ориентировавшийся на античную традицию, предполагает, что и боги-олимпийцы представляются сверхсильными человеку, не являясь таковыми для самих себя. Это вызывает у него сомнения в собственной вере. Пессоа-Рейш руководствовался иными, «новыми принципами смыслополагания и толкования» [14. С. 102] и поместил энтомологический образ в философский контекст. Это размышление о земном и божественном, об относительности всего в мире и, вероятно, о различии между «вещью в себе» и нашим восприятием этой вещи. Подобные семантические сдвиги возможны, тем не менее, лишь на плодородной почве уже испытанных предшественниками стилистических средств [11. С. 90].

К образу муравья обращается и Антониу Жедеан (1906–1997). В стихотворении «Esta é a cidade» ‘Таков город’ он развивает переносное значение слова *formigueiro* ‘муравейник’ и метафорически ‘большое скопление людей’, ‘толпа’⁹). Придавая этому образу наглядность и детальность, поэт создает картину современного суетливого города.

⁶ Притчи Соломона 6: 6–8 // Библия. Синодальный перевод. М. : Российское Библейское Общество, 2008. Режим доступа: <https://www.bible.com/ru/bible/400/PRO.6.6-8.SYNO> (дата обращения: 20.11.2023).

⁷ Citador. Citações e frases. Режим доступа: <https://www.citador.pt/poemas/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁸ Пессоа Ф. Оды Рикарду Рейша. М. : Воймега, 2020. С. 225.

⁹ Dicionário Priberam. Режим доступа: <https://dicionario.priberam.org/> (дата обращения: 20.11.2023).

Esta é a Cidade, e é bela.
Um formigueiro se agita,
se esgueira, freme, crepita,
ziguezagueia e flutua.

<...>

friorento voo de libélula
sobre o charco imundo e estreme.

<...>

Tanto sonho! Tanta mágoa!
Tanta coisa! Tanta gente!
São automóveis, lambretas,
motos, vespas, bicicletas,
carros, carrinhos, carretas,
e gente, sempre mais gente,
gente, gente, gente, gente...

Город таков, и он красив.
[Городской] муравейник движется,
кишит, трепещет, трещит,
извивается зигзагами и колыхается.

<...>

зыбкий полет стрекозы
над грязной лужей и чистым потоком.

<...>

Сколько мечтаний! Сколько горя!
Множество предметов! Множество людей!
Автомобили, «Ламбретты»¹⁰,
мотоциклы, «Веспы»¹¹, велосипеды,
машины большие и маленькие, повозки,
и люди, все больше людей,
люди, люди, люди, люди...
(Здесь и далее подстрочный перевод наш —
В.М., М.К.)

Сочетая в себе контрасты: высокое и низкое, боль и надежду, город предстает как единое целое и напоминает муравьиный коллектив, устроенный как единый организм.

Муравей и цикада

В европейской литературной традиции образ муравья тесно связан с образом цикады. Эти насекомые — антропонимические персонажи одной из самых знаменитых басен Эзопа. Как известно, у Ивана Крылова цикаду заменяет биологически не способная петь *стрекоза*, в то время как чуждая россиянам цикада — самый лучший из всех насекомых певец [15. С. 65]. Попрыгуньей Крылов назвал свою героиню, видимо, в переносном смысле, имея в виду ее легкомыслие и неосновательность: в отличие от кузнечика, в природе стрекоза никогда не прыгает. Конкретика образов Крылова подчинена задаче дать «собственно русскую национальную трактовку сюжета, <...> утверждая народную, „мужицкую“ мораль басни» [16. С. 25].

Немаловажен и такой курьез: у Эзопа, писавшего по-гречески, муравей и цикада — существа мужского пола и, следовательно, разговор их затрагивает сферу социальных ролей и жизненного кредо (кстати, биологически петь способны только самцы цикад, а никак не самки). В португальском же языке эти существительные — женского рода. Диалог развивается между двумя женщинами, одна из которых — рачительная хозяйка, а другая не уделяет домашним обязанностям должного внимания, будучи воплощением тунеядства и лени [17. С. 32–33]. «Гендерный» фактор существенно искажает восприятие исходного художественного замысла инокультурным и/или иноязычным читателем.

В португальском литературном пространстве обсуждаемая нами энтомологическая басня имеет долгую историю. Первый ее перевод, анонимный, датируется

¹⁰ Название мотороллера.

¹¹ *Vespa* (вешпа) — название мотоцикла, от португальского энтомонима *vespa* ‘оса’.

рубежом XIV—XV столетий, а самые поздние были созданы в XXI веке [5. Р. 52–53]. Версия Лафонтена (1621–1695) появилась в семнадцатом веке. Она была весьма точно переведена на португальский язык ярким представителем лузитанской поэтической школы М.М. Бокаже (1765–1805). Лингвокультурный трансфер смыслообразующих метафор [18] удалось осуществить без потерь.

У Лафонтена и Бокаже цикада оказывается недальновидной нищенкой, столкнувшейся с «*enúria extrema*»¹² ‘крайней нуждой’. Она умоляет зажиточного муравья (а точнее, муравьицу) о подаянии, уверяя, что вернет ссуду с процентами: «– *Prometo, <...>, pagar-vos, antes de Agosto, / Os juros e o principal*»¹² ‘Обещаю, <...>, заплатить Вам, до августа, и проценты, и основную часть (основной капитал)’. Как видим, идущий от древнегреческого автора сюжет получает здесь полемическую заостренность [16. С. 25]. В басню вклинивается финансовый мотив, и муравей может ассоциироваться чуть ли не с ростовщиком, а то и со старухой-процентщицей! Однако нет! Таким легкомысленным индивидуумам, в понимании муравья, доверять нельзя! К тому же, «*a formiga nunca empresta, / nunca dá; por isso, junta*»¹² ‘муравей никогда не одалживает, никогда ничего не дает, / поэтому копит’. Эту строку можно трактовать как обвинение муравья в скупости или во всяком случае как укор: разве это хорошо — никогда не давать взаймы? Разговор их заканчивается широко известным саркастичным советом: «– *Cantavas? Pois dança agora!*»¹² ‘Ты пела? Теперь танцуй!’.

Вряд ли кто-то из современников — читателей Бокаже задумывался о жизненной трагедии цикады, о патовости ее положения. Ведь «напряжение, в котором находится читатель, вовсе не обязательно должно быть слепком с напряжения, в котором находится персонаж; мастерство писателя способно сделать их асимметричными» [19. С. 20].

Однако не только мастерство литератора задает некий вектор восприятия. Жесткая и резкая рекомендация муравья оценивалась как справедливая с позиций прагматичной европейской морали, индивидуалистичного мироощущения: раз ты не умеешь предвидеть результат своей беспечности, то выкабывайся сам — благодущие лишь навредит тебе [1. С. 80].

Коллизия муравей-цикада с веками преодолела границы языков и культур «*adaptándose a diferentes situaciones y contextos*» ‘адаптируясь к различным ситуациям и контекста’ и демонстрируя «*una tendencia a reaparecer en momentos de crisis social o decadencia de valores culturales*» ‘тенденцию вновь появляться в моменты социального кризиса или упадка культурных ценностей’ [20. Р. 5]. Именно этот энтомонимический сюжетный узел стал основой для размышлений, воплотившихся в стихотворении Мигела Торги (1907–1995) «*Fábula da fábula*» ‘Басня о басне’.

¹² Histórias em português. Режим доступа: <https://contadoresdestorias.wordpress.com/> (дата обращения: 01.12.2023).

Era uma vez	В некотором царстве бытовала
Uma fábula famosa,	Басня знаменитая,
Alimentícia	Питательная
E moralizadora,	И нравоучительная!
Que, em verso e prosa,	Ее и в стихах, и в прозе,
Toda a gente	Все люди
Inteligente	Умные
Prudente	Благоразумные
E sabedora	И мудрые
Repetia	Повторяли
Aos filhos,	Детям,
Aos netos	Внукам
E aos bisnetos.	И правнукам.
<...> A fábula garantia	<...> Басня уверяла,
Que quem cantava	Что кто поет,
Morria	Тот с голоду
De fome. <...>	Помрет. <...>
Enquanto a fábula contava,	Но пока басню читали,
Um demónio secreto segredava	Демон внутренний шептал
Ao ouvido secreto	Каждому
De cada criatura	На внутреннее ухо,
Que quem não cantava	Что тот, кто не поет,
Morria de fartura.	От изобилия (обжорства) умрет.

Стихотворение М. Торги представляет собой не перевод, а критическое переосмысление античной басни, где образы цикады и муравья приобретают иные значения, далекие от хрестоматийных и привычных [7]. Ситуацию можно развернуть на 180 градусов, рассуждая так: тяжелый труд исторически был наказанием, ведь преступников отправляли на галеры и в шахты. А вот пение искони несло в себе возвышающую и священную миссию. В древние времена разрешалось петь только духовную музыку. Следовательно, цикада не заслуживает однозначного порицания. Более того, она «*sofre punição por buscar a realização pessoal*» ‘она подвергается наказанию за поиск самореализации’ [21. Р. 88], что вряд ли справедливо.

Примечательно, что именно к концу XX в. (зениту творческой активности М. Торги) понятия «труд», «трудовая деятельность», ранее доминировавшие и занимавшие центральное место в социальной «задействованности» человека [22], стали смещаться на периферию, а непрерываемость их абсолютной ценности была поставлена под сомнение [23].

Теперь, в результате постиндустриальной аксиологической революции в мировоззрении, в иерархии ценностей, цикада символизирует уже не лень и безделье! Она означает творческую личность, тогда как муравей оказывается аватаром индивидуума приземленного, ограниченного, «зашоренного», сосредоточенного на материальных благах. Происходит радикальная трансформация ассоциативного потенциала слова [24. С. 192]. Меняется и финал: торжествует уже не муравей, которого у М. Торги губит чувство

пресыщения, а вдохновенная исполнительница оптимистичных гимнов — цикада. Ведь творцы-цикады воспевают солнце, жизнь, дарят людям радость во все времена [25. С. 47]. А по мнению стихотворца, петь — великое предназначение, и по силам оно далеко не каждому. Эта мысль волнует М. Торгу, и в стихотворении «Aos Poetas» ‘Поэтам’ он продолжает рассуждение о том, что жрец рифм, со всеми его слабостями и недостатками, подобен самозабвенно поющей цикаде¹³:

Somos nós
As humanas cigarras!
Nós,
Desde os tempos de Esopo conhecidos.
Nós,
Preguiçosos insectos perseguidos.
Somos nós os ridículos comparsas
Da fábula burguesa da formiga.
<...>
Somos nós, e só nós podemos ter
Asas sonoras.
Asas que em certas horas
Palpitam.
Asas que morrem, mas que ressuscitam
Da sepultura.

Это мы
Люди-цикады! (Цикады в человеческом облике)
Мы,
Со времен Эзопа знамениты.
Мы,
Как букашки, и ленивы, и боязливы.
Это мы — смешные приятели
муравья из старой басни буржуазной.
<...>
Это мы, и только нам даны
Звонкие крылья.
И крылья эти в некий час
Трепещут —
Крылья, умирая, воскресают
Из могилы.

Звон и трепет «музыкальных» крыльев метафоризируют у Мигела Торги творческий порыв и возвышенное, чистое вдохновение. Крылышки бьются не всегда, а лишь в определенные часы (у цикад — после полудня, теплыми вечерами и ночами). Так и поэтов вдруг посещает муза, и поэтическая стихия захватывает их. Образ умирающих, но возрождающихся крыльев можно трактовать как антитезу смертности стихотворца и бессмертия его творений или как аллегория сложной судьбы иных произведений, которых в разные времена может постигнуть то забвение, то слава. Показательно, что по словарю символов цикада является эмблемой бессмертия. Возможно, ассоциативной основой послужили «высушенный» облик и высокая продолжительность жизни этого насекомого¹⁴. Новые трактовки традиционных персонажей обусловлены глобальными трансформациями культуры и идеологии своего времени; они деавтоматизируют первоначальные значения и создают своего рода отчуждение, разрушая ожидания читателя [20. Р. 4].

¹³ Идентифицировал себя с образом цикады и современник Торги испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка, восхищаясь ею и называя ее звонкой звездой: «Mas tú, cigarra encantada, / derramando son, te mueres / y quedas transfigurada / en sonido y luz celeste» ‘Но ты, зачарованная цикада, проливая песнь, умираешь и остаешься преображенной в звук и небесный свет’. Режим доступа: <https://ciudadseva.com/texto/cigarra/> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁴ *Тресиддер Д.* Словарь символов. М. : Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. С. 404.

Не противоречит интерпретации Мигела Торги аксиологическая трактовка бинама *муравей—цикада*, представленная поэтом-модернистом Алешандре О'Нейлом (1924–1986), который рассматривает эту оппозицию по-своему. В каждом из нас есть что-то от практицизма муравья и увлеченной отрешенности цикады¹⁵. Муравей достоин всяческих похвал, но человеку мало материальной, обиходной благоустроенности, ему тесно в прокрустовом ложе бытового комфорта и прагматичной расчетливости. Личность стремится постичь бесконечность огромного мира и поэтому порой, казалось бы, вопреки здравому смыслу, выбирает путь цикады. Неслучайно на слова стихотворения «*Minuciosa formiga*» 'Усердный муравей' написано лиричное, проникновенное, слегка печальное фаду, исполняемое королевой этого исконно португальского жанра музыки — Амалией Родригеш. Приведем поэтические рассуждения О'Нейла:

Minuciosa formiga
não tem que se lhe diga:
leva a sua palhinha
asinha, asinha.
Assim devera eu ser
e não esta cigarra
que se põe a cantar
e me deita a perder.
Assim devera eu ser:
de patinhas no chão,
formiguinha ao trabalho
e ao tostão.
Assim devera eu ser
se não fora não querer.
(– Obrigado, formiga!
Mas a palha não cabe
onde você sabe...)

Старательный муравей
Не нужно его подгонять:
Неси щепочку туда,
Да поживей, да побыстрей.
Вот таким бы должен быть я —
Не цикадой,
что поет
И этим на погибель меня обрекает.
Вот таким бы должен быть я:
Лапками за землю крепче цепляться
Муравейкой,
о труде лишь думать, да о копейках.
Вот таким бы должен быть я:
Но не хочется что-то.
(– Спасибо, муравейка!
Не всегда есть место
щепочкам твоим).

Таким образом, сюжет о муравье и цикаде демонстрирует кардинальную переоценку ценностей в социуме, и разумнее воспринимать ее «не как разрушительное потрясение основ, а как закономерную возникающую в новых исторических условиях потребность в самоанализе» [26. С. 181]. И все же переосмысленные строфы несут в себе «эхо более ранних текстов, что дает панорамное восприятие (поэзии)» [27. С. 509].

Взаимоотношения двух насекомых стали значительным контрапунктом мировой литературы, представая в неожиданном, непривычном ракурсе, подвергаясь переформатированию, становясь «производящей основой» для генерирования новых смыслов [28. С. 36–37].

¹⁵ Так, Эзоп, будучи изначально рабом, а получив свободу, проповедником, является синтезом этих двух ипостасей личности: муравья, поглощенного тяжелым трудом, и цикады, воспевающей высшие ценности [26. С. 47–48].

Цикада

Отметим, что и красота песен цикад воспринимается поэтами неединодушно. Их напевы вдохновляют на возвышенные мысли далеко не всех. Не всем они милы. Немолчный, беспрестанный стрекот порой назойлив и даже агрессивен. Именно так воспринимает его поэт-антифашист Луиш Вейга Лейтан (1912–1987), зенит жизни которого пришелся на Вторую мировую войну. Его внимание привлекают цепкие лапки цикад: с их помощью эти насекомые легко и быстро, подобно спецназовцам, штурмуют любые деревья:

Cigarra
Esta não é filha do sol
com pernas e pés de marinheiros
subindo às árvores das herdades.
Esta é preciso ouvi-la dias inteiros
aquém das grades¹⁶.

Цикада
Нет, она не Солнца дочь!
У нее бедра и стопы матросов,
Взбирающихся по мачтам и стволам.
И день и ночь ты слушаешь ее
Из-за решеток и оград.

Цикада оборачивается зловещим символом жестокости, ее голос не призывает к гармонии, но «*chama para silêncios hirtos e cerrados / com fardas e armas em torno*» ‘звонит в жесткую и замкнутую немоту в военной форме, при оружии’. Негативную интерпретацию этого многоликого образа спровоцировала, видимо, зловещая обстановка военных действий.

Однако времена меняются, а с ними и нравы, и вкусы, и приоритеты. Вот и цикада пробуждает в воображении художников разных эпох нетождественные ассоциации. Каждый автор видит во всем, что окружает его, и даже в таких малозначительных, казалось бы, существах, как насекомые, свои смыслы, рисуя их красками мрачными или яркими. Цикаде повезло с многообразием интерпретаций. У Софии де Мелло (1919–2004) эта крылатая стрекотунья вызывает эмоции и чувства, прямо противоположные ощущениям Лейтана:

As Cigarras
Com o fogo do céu a calma cai
No muro branco as sombras são direitas
A luz persegue cada coisa até
Ao mais extremo limite do visível
Ouvem-se mais as cigarras do que o mar¹⁷

Цикады
Со зноем вместе опускается покой,
На стены белые ложатся ровно тени,
Льет солнце с неба жаркие лучи,
Пронзая ими раскаленный воздух,
И звон цикад сильнее, чем гул прибоя.
Перевод В. Махортовой¹⁸.

¹⁶ *Citador*. Citações e frases. Режим доступа: <https://www.citador.pt/poemas/> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁷ *Escritas*. Режим доступа: <https://www.escritas.org/pt/> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁸ *Андресен С. де М. Б. А.* Единое начало всех вещей: избранные стихотворения в русских переводах. М.: Центр книги Рудомино, 2019. С. 133.

Эта лаконичная зарисовка, вдохновленная пейзажем юга Португалии, содержит синестетически дополняющие друг друга визуальные и звуковые образы: беленные стены домов, контрастирующие с ними тени, яркий солнечный свет, шум океана и звонкая песня цикад. Их сочетание создает объемную картину знойного летнего дня, вызывающую ликование, столь характерное для идиостиля поэтессы [29]. Пронзительное стрекотание цикад С. де Мелло упоминает и в стихотворении в прозе «Ingrina» ‘Ингрина’ (название одного из южных побережий Португалии): «*O grito da cigarra ergue a tarde a seu cimo e o perfume do orêgão invade a felicidade. Perdi a minha memória da morte da lacuna da perca do desastre*»¹⁷ ‘Звонкая песнь цикад уносится в небо, и аромат орегано разливается в воздухе, легком, как чистая радость. Больше не помню о смерти, разлуке, потерях, несчастьях’ (перевод В. Махортовой)¹⁸. Здесь звон цикад становится гимном красоте первозданной природы и радости, которую испытываешь, возвращаясь к истокам. Приведенные строфы демонстрируют, как авторское мировосприятие и национальные особенности «ассоциативного сцепления разных кодов культуры своеобразно закрепляются в образных значениях слов» [30. С. 252].

Заключение

Итак, мы показали, что португальские поэты трактуют образы муравья и цикады, опираясь на интерпретацию, намеченную Эзопом и Лафонтеном, где муравей — труженик, добытчик (но также и скряга), а у Камозенса — провидец; цикада же — недальновидная, бестолковая и взбалмошная певунья. Однако эмоциональная аура и сущностное содержание этих хрестоматийных образов подверглись в пространстве португальской поэзии XVIII—XX вв. существенным изменениям. Муравей утратил нравственную привлекательность и оказался скорее негативным персонажем: эгоистичным, жадным, безжалостным. Цикада же стала преподноситься и восприниматься как вдохновенная творческая личность, полностью поглощенная магией искусства. Переносная семантика этих энтомонимов вышла на философский регистр, где муравей рассматривается как эмблема куцега практицизма, а цикада — как аллегория бесконечного, неудержимого вдохновения. Динамика семантических преобразований всего лишь двух рассмотренных нами энтомонимов является своеобразным показателем насыщенности, подвижности и в то же время континуальности, преемственности метафорической парадигмы португальского поэтического дискурса.

Список литературы

1. Жельвис В.И. Стрекоза и Муравей как предмет культурологического анализа // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 78–94. EDN: LAUJZT
2. Николаиди М.А. Басня Эзопа «Муравей и жук» и ее варианты в античной, западноевропейской и русской культурах // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2022. № 1. С. 52–56. EDN: WNNEBP

3. Мокиенко В.М. От обыденного значения к художественному образу // СибСкрипт. 2016. № 3(67). С. 164–169. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-164-169> EDN: WJBFFR
4. Вечканова Э.Ю. Рассказ С. Моэма «The Ant and the Grasshopper»: ресентиментные превращения классического сюжета // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX—XXI веков: направления и течения. 2015. № 2. С. 84–99. EDN: UBLVXN
5. Frade M. Esopo em Portugal: das origens à contemporaneidade // Caligrama: Revista de Estudos Românicos. 2017. Vol. 22. № 1. P. 51—70. <https://doi.org/10.17851/2238-3824.22.1.51-70>
6. Monteiro S., Balça Â., Azevedo F. Confabulando valores: La cigarra y la hormiga // Ocnos: Revista de estudios sobre lectura. 2010. № 6. P. 61–70. https://doi.org/10.18239/ocnos_2010.06.05
7. Oliveira J.B. de. Inversões de sentido na fábula A Cigarra e a Formiga: modos de subjetivação em conflito // Grau Zero — Revista de Crítica Cultural, Alagoinhas-BA: Fábrica de Letras UNEB. 2017. Vol. 5. № 2. P. 149–172. <https://doi.org/10.30620/gz.v5n2.p149>
8. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703> EDN: LVSSMM
9. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение. М. : Экон-Информ, 2020. EDN: KTGMIP
10. Voccuti A. Hormigas en blanco y negro // Artifara. 2012. № 12. P. 11–23. <https://doi.org/10.13135/1594-378X/69>.
11. Туранина Н.А. Метафорический словарь поэзии начала XX века: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 2. С. 90–94. EDN: JTYBAL
12. Овчаренко О.А. Особенности гетеронимии в лирике Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2023. № 29(1). С. 93–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99> EDN: WOEURU
13. Фещенко И.Н. Происхождение «Язычества» Рикарду Рейша — самого загадочного гетеронима Фернандо Пессоа // Новый филологический вестник. 2019. № 3(50). С. 211–224. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00073> EDN: YQVATF
14. Рейснер М.Л. В поисках скрытого смысла: роль «внутреннего комментария» в поэзии Насир-и Хусрава (XI в.) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 1. С. 100–125. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-100-125> EDN: SSYTQF
15. Успенский Ф.Б. Nabent sua fata libellulae. К истории русских литературных насекомых // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. № 12. С. 60–80. EDN: JWTLRL
16. Коровин В.И. «Стрекоза и Муравей» : краткая история басни от Эзопа до Крылова // Литература в школе. 2022. № 5. С. 25–39. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-5-25-39> EDN: OETQTW
17. Гитис Л.Х. Стрекоза и муравей // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2005. № 1. С. 30–33. EDN: IBXFBB
18. Денисенко В.Н., Веред В.Т. Лингвокультурный трансфер метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6–1. С. 60–67. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.060> EDN: LNKQXC
19. Маслов Е.С. Время в нарративе: «фабула — сюжет» и «история — дискурс» vs семиотический треугольник // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 3. С. 1–27. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27> EDN: WZLCUF
20. Soto-Vázquez J., Pérez-Parejo R. Posibilidades Didácticas de la Cigarra y la Hormiga. Una (re) lectura // Alabe. Revista de Investigación sobre Lectura y Escritura. 2011. № 2. P. 1–17. <https://doi.org/10.15645/Alabe.2011.3.5>
21. Suassuna D.M.F. de Almeida, Azevedo A.A. Política e lazer: interfaces e perspectivas. Brasília : Thesaurus Publ., 2007.

22. Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615> EDN: OSAIRD
23. Aquino C.A.B., Martins J.C. de Oliveira. Ócio, lazer e tempo livre na sociedade do consumo e do trabalho // Revista Mal Estar e Subjetividade. 2007. № 7(2). P. 479–500.
24. Устинова Т.В. Семантические трансформации в поэтическом переводе: лингвокогнитивные особенности конструирования значения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 191–197. EDN: VTFCVL
25. Лазариди М.И. Басня Эзопа «Цикада и Муравей» и ее переложения: сопоставительный анализ концептов // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2020. № 2. С. 43–48. EDN: KCDOVC
26. Куделин А.Б., Султанов К.К. Всеобщность «особенного» как философско-художественный императив (Перечитывая и переоткрывая Чингиза Айтматова) // Филология и культура. 2014. № 1(35). С. 181–190. EDN: SCZXDD
27. Данич О.В., Дружинина Н.Л., Маслова В.А. Поэтическое слово в свете учения Л.А. Новикова об эстетическом восприятии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 502–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513> EDN: MVVSP
28. Багно В.Е., Мисникевич Т.В. Перекодировка, переакцентуация, творческое усвоение (Топос незавершенности открытий предшественников в творчестве русских модернистов) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4. С. 36–57. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-36-57> EDN: GVWTIB
29. Нечаева К.К., Махортова В.А. София де Мелло Брейнер Андресен: поэтика «изумления» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 110–117. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3421> EDN: QXDCMP
30. Турапина Н.А. Метафорическое моделирование мира как конструкт реальности в художественном дискурсе // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 2(6). С. 252–256. EDN: TWNSNT

References

1. Zhelvis, V.I. (2006). A Dragonfly and an Ant as an Object of Culturological Analyses. *Journal of psycholinguistics*, (3), 78–94. (In Russ.). EDN: LAUJZT
2. Nikolaidi, M.A. (2022). Aesop’s Fable The Ant and the Beetle and its Variants in Ancient, Western European and Russian Cultures. *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii yazyk za rubezhom*, (1), 52–56. (In Russ.). EDN: WNNEBP
3. Mokienko, V.M. (2016). From the Ordinary Meaning to the Artistic Image. *SibSkript*, 3(67), 164–169. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-164-169> (In Russ.). EDN: WJBFFR
4. Vechkanova, E.Yu. (2015). S. Maugham’s Story “The Ant and the Grasshopper”: Resentimental Transformations of a Classical Plot. *Ural Philological Herald. Series Russian Literature of XX–XXI Centures: Directions and Trends*, (2), 84–99. (In Russ.). EDN: UBLVXN
5. Frade, M. (2017). Esopo em Portugal: das Origens à Contemporaneidade. *Caligrama: Revista de Estudos Românicos*, 22(1), 51–70. <https://doi.org/10.17851/2238-3824.22.1.51-70> (In Portuguese).
6. Monteiro, S., Balça, A., & Azevedo, F. (2010). Confabulando Valores: La Cigarra y la Hormiga. *Ocnos: Revista de estudios sobre lectura*, (6), 61–70. https://doi.org/10.18239/ocnos_2010.06.05. (In Spanish).
7. Oliveira, J.B. de. (2017). Inversões de Sentido na Fábula A Cigarra e a Formiga: Modos de Subjetivação em Conflito. *Grau Zero — Revista de Crítica Cultural, Alagoinhas-BA:*

- Fábrica de Letras UNEB*, 5(2), 149–172. <https://doi.org/10.30620/gz.v5n2.p149> (In Portuguese).
8. Boldyrev, N.N., & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 686–703. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703> EDN: LVSSMM
9. Novikova, M.L. (2020). *Ontology of poetic word's art and defamiliarization*. Moscow: Ekon-Inform Publ. (In Russ.). EDN: KTGMIP
10. Boccuti, A. (2012). Hormigas en Blanco y Negro. *Artifara*, (12), 11–23. <https://doi.org/10.13135/1594-378X/69> (In Spanish).
11. Turanina, N.A. (2007). Metaphorical Vocabulary of Poetry of the Early 20th Century: Problems and Prospects. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2, 90–94. (In Russ.). EDN: JTYBAL
12. Ovcharenko, O.A. (2023). Peculiarities of Heteronymy in the Lyrics by Fernando António Nogueira Pessoa. *Vestnik of Kostroma State University*, 29(1), 9–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99> (In Russ.). EDN: WOEIRU
13. Feshchenko, I.N. (2019). The Origin of “Paganism” by Ricardo Reis — the most Mysterious Heteronym of Fernando Pessoa. *The New Philological Bulletin*, 3(50), 211–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00073> EDN: YQVATF
14. Reisner, M.L. (2023). In the Search of Secret Meaning: the Role of “Inner Commentary” in the Nasir-i Khusraw’s Poetic Works (11th Century). *Studia Litterarum*, 8(1), 100–125. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-100-125> (In Russ.). EDN: SSYTQF
15. Uspenskii, F.B. (2008). Habent Sua Fata Libellulae. On the History of Russian Literary Insects. *St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology*, 12, 60–80. (In Russ.). EDN: JWTLRL
16. Korovin, V.I. (2022). “The Dragonfly and The Ant”: a Brief History of the Fable from Aesop to Krylov. *Literature at School*, (5), 25–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-5-25-39> EDN: OETQTW
17. Gitis, L.H. (2005). A Dragonfly and an Ant. *Minary informatic and analitic Bulletin*, (1), 30–33. (In Russ.). EDN: IBXFBB
18. Denisenko, V.N., & Vered, V.T. (2020). Linguocultural Transfer of Metaphors in a Literary Text. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6(1), 60–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.060> EDN: LNKQXC
19. Maslov, E.S. (2023). Time in Narrative: “Fabula — Syuzher” and “Story — Discourse” vs Semiotic Triangle. *Studia Litterarum*, 8(3), 1–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27> EDN: WZLCUF
20. Soto-Vázquez, J., & Pérez-Parejo, R. (2011). Posibilidades Didácticas de la Cigarra y la Hormiga. Una (re) lectura. *Alabe. Revista de Investigación sobre Lectura y Escritura*, 2, 1–17. <https://doi.org/10.15645/Alabe.2011.3.5> (In Spanish).
21. Suassuna, D.M.F. de Almeida, & Azevedo, A.A. (2007). *Política e lazer: interfaces e perspectivas*. Brasília: Thesaurus Publ. (In Portuguese).
22. Neliubova, N.Yu., Lomakina, O.V., & Mirzaeva, S.V. (2023). Labor in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 595–615. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615> EDN: OSAIRD
23. Aquino, Cássio Adriano Braz, & Martins, José Clerton de Oliveira. (2007). Ócio, lazer e tempo livre na sociedade do consumo e do trabalho. *Revista Mal Estar e Subjetividade*, 7(2), 479–500. (In Portuguese).
24. Ustinova, T.V. (2016). Semantic Transformations in Poetic Translation: Linguistic and Cognitive Aspects of Meaning Construction. *Bulletin of Cheliabinsk State Pedagogical University*, (2), 191–197. (In Russ.). EDN: VTFCVL
25. Lazaridi, M.I. (2020). Comparative Analysis of Concepts on Reading of the Aesop’s Fable “The Ant And The Grasshopper”. *Russian language and literature at Kyrgyzstan schools*, (2), 43–48. (In Russ.). EDN: KCDOVC

26. Kudelin, A.B., & Sultanov, K.K. (2014). Universality of “The Original” as a Philosophical-Artistic Imperative (Rereading and Rediscovering Chingiz Aitmatov). *Philology and Culture*, 1(35), 181–190. (In Russ.). EDN: SCZXDD
27. Danich, O.V., Druzhinina, N.L., & Maslova, V.A. (2023). Poetic Word in the Light of L.A. Novikov’s Teachings on Aesthetic Perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 502–513. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513> EDN: MVVVSP
28. Bagno, V.E., & Misnikevich, T.V. (2023). Recoding, Reaccentuation, Creative Association (Topos of the Incomplete Discoveries of Precursors in the Works of Russian Modernists). *Studia Litterarum*, 8(4), 36–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-36-57> EDN: GVWTIB
29. Nechaeva, K.K. & Makhortova, V.A. (2021). Sophia de Mello Breiner Andresen: The Poetry of “Amazement”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 11–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3421> EDN: QXDCMP
30. Turanina, N.A. (2015). Metaphorical Modelling World as a Construct of Reality in Literary Discourse. *Science. Art. Culture*, 2(6), 252–256. (In Russ.). EDN: TWNSNT

Сведения об авторах:

Кутьева Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 2 Высшей школы социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36); *сфера научных интересов*: семантика, романские языки; *e-mail*: kuteva.mv@rea.ru

ORCID: 0000-0002-2952-8349; SPIN-код: 4502-2714; AuthorID: 613400; ResearcherID: E-5614-2017

Махортова Варвара Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); *сфера научных интересов*: португалистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: varvara2504@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7944-1161; SPIN-код: 2651-1783, AuthorID: 986260

Information about the authors:

Marina V. Kutyeva, PhD in Philology, Associate Professor at Foreign Languages Department No 2, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian Economic University (36, Stremianny line, Moscow, Russian Federation, 117997); *Research interests*: semantics, romance languages; *e-mail*: kuteva.mv@rea.ru

ORCID: 0000-0002-2952-8349; SPIN code: 4502–2714; AuthorID: 613400; ResearcherID: E-5614-2017

Varvara A. Makhortova, PhD in Philology, Associate Professor at Portuguese language Department, The Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka street, Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: Portuguese studies, cognitive linguistics; *e-mail*: varvara2504@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7944-1161; SPIN code: 2651–1783, AuthorID: 986260.